А.И.Филюшкин

МОДЕЛЬ "ЦАРСТВА" В РУССКОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КНИЖНОСТИ XV–XVI ВВ.

В исследовательской литературе государственный строй России принято определять как "монархию", принимающую различные формы: "великое княжение", "царство", "империя". Тем самым для определения типологии политического устройства используется категориальный аппарат, разработанный преимущественно на западноевропейском историческом материале и правовых теориях. На наш взгляд, это не позволяет получить адекватное представление о феноменологии высшей власти в России (особенно о системе отношений "власть — общество", об ее трактовке в отечественном менталитете). Необходимо обратиться к национальным концепциям власти, отраженным в памятниках отечественной общественно-политической мысли, а также в фольклоре. Настоящая работа посвящена попытке реконструировать модель "царства" в русском средневековом менталитете (XV–XVI вв.).

Российское царство (и в понятийном, идеологическом, и в институциональном плане) имело два источника: "царство" (ханство) Золотой Орды и византийское православное царство (империя). И тот, и другой компонент наложили серьезнейший отпечаток и на типологию верховной власти в России, и на ее восприятие в общественной мысли.

После установления ига власть хана Улуса Джучи ("царя" в русских летописях, отличаемого ими от общемонгольского хана — "каана") разрушила русскую систему отношений "власть — подданные". В Киевской Руси в ее основе лежал принцип старейшинства во всем роде Рюриковичей, вытесняемый в удельной Руси принципом старшинства внутри отдельных княжеских династий. Социально-политическое устройство, несмотря на ряд специфических черт, имело черты феодального вассалитета с его правами и иммунитетными привилегиями.

Иго нанесло удар по обеим частям системы. Получение ханского ярлыка на великое княжение теперь напрямую не зависело от родовитости претендента на этот ярлык. Над русскими князьями появилась инстанция ("царь"), которая не считалась ни со старшинством, ни с родовыми правами. Одновременно, согласно наблюдениям В.Б.Кобрина и А.Л.Юрганова, происходит переход от вассалитета к

подданству — министериалитету[1], при котором все подданные становились как бы холопами государя (что позже нашло выражение в знаменитой формуле Ивана Грозного: "Жаловать своих холопов вольны, и казнить вольны же").

Ослабление Орды и происходившее параллельно складывание Российского централизованного государства ликвидировало источник этой новой системы отношений, но не саму систему. Как бы вакантными оставались ее важнейшие компоненты. Это, во-первых, понятие зависимости великокняжеской (и, главное, княжеской) власти от "царской" инстанции. Наиболее рельефно данный аспект отражен в Никаноровской летописи: "От цареи тои Золотой Орды начало нашея Русския земли: великое княжение принимали... все княжения великих князей, которые ныне во области Московского государства. И те все великие князи... ездили в тое Золотую Орду для всякие справы и начальства, и те ордынские цари давали им свои ярлыки за своими печатями и руками своими подписывали"[2].

Во-вторых, преодолеть этот вековой комплекс неполноценности можно было только одним способом: побить былых господ и самим стать "царством". Событием, символизирующим историческую победу Руси над Ордой и над игом, стало взятие Казани 1552 г., названное "всемирной победой" над "презлым царством сарацинским"[3]. Примечательно, что в целом ряде памятников это взятие рассматривается либо как прямое следствие принятия Иваном IV титула царя (например, у Курбского[4]), либо же дата принятия титула смещена и напрямую связывается с завоеванием "татарского царства" (Хронограф Сергея Кубасова[5], "Казанский цикл" в фольклоре):

Он (Иван IV — А.Ф.) и взял с него (татарского царя Семиона-Едигея — А.Ф.) царскую корону,

И снял царскую перфиду,
Он царский костыль в руки принял.
И в то время князь воцарился,
И насел в Московское царство,
Что тогда-де Москва основалася,
И с тех пор — великая слава[6].

Симптоматично, что одновременно с ликвидацией "царской" (ханской) власти над Русью Иван III принимает титул "государя всея Руси" (который был в Европе расценен как титул "короля", с протестом против чего тут же выступило Великое княжество Литовское). С 1470-х гг. Иван III и Иван Иванович Молодой в договорах с Ливонией начинают именоваться "царями", а в новгородско-шведских переговорах Иван III назывался "кайзером". В 1498 г. происходит первое в русской истории венчание на великое княжение Дмитрия-внука (его церемониал имел сходство с византийским императорским венчанием). Именно с 1490-х гг. в качестве государственной символики на Руси стал применяться императорский двух-

главый орел[7]. Иван III называл себя царем в грамоте 1484 г. в Кафу к "жидовину" Захарее Скарье; в 1490-е гг. титул "царь" применительно к Московскому правителю употребляется в некоторых документах европейской политики[8].

Однако несомненно, что ни Иван III, ни Василий III стать реальными царями не могли из-за отсутствия на Руси идеологического обоснования царства. Ни калька с византийских порядков (в значительной степени — чин венчания Дмитрия-внука), ни тем более "царство" — ханство послужить основой для этого не могли. Поэтому в первой половине XVI в. происходит интенсивное оформление понятия "царства" как в официальной идеологии, так и в общественном сознании.

В его основу была положена концепция православного царства, разработанная в Святом писании. Царь трактовался как носитель абсолютной независимости, всецелой полноты и безграничного величия власти. Поэтому в высшем смысле Бог понимался как Царь, как высочайший, верховнейший правитель[9]. Первым образом царской власти на земле считается отец — глава семейства, его власть над родными имеет Божественное происхождение[10]. Когда умножаются семейства, возникают племена, множатся племена — возникают державы, государства. Они необъятны для власти отеческой, и Бог дает этой первоначальной власти облик Царя, наделяя его высшей, державной силой[11]. Поэтому все Цари — наместники Бога на земле. Царь вступает в свои права через особый обряд, обладает знаками своей власти, его особа священна. Однако, чтобы оправдать милость Господа, царь обязан выполнять властные функции: защищать народ от внешних и внутренних врагов, устанавливать законы и назначать местных правителей, быть стойким хранителем веры, служить нравственным примером для своих подданных, быть носителем Истины, Правды, Божественной справедливости[12].

Православная концепция царства имела существенное отличие от западноевропейской трактовки "королевства". Хотя король и считался помазанником Божьим, прямым наместником Бога на земле был Римский Папа. Король же в большей степени являлся "самым главным феодалом", носителем светской власти. Понятие же "православного царства" базировалось на идее апостола Павла: царь есть прямой наместник Бога на земле. "Всякая душа властем предержащим да повинуется. Несть бо власть, аще не от Бога: сущие же власти от Бога учинены суть. Тем же противляися власти, Божьему велению противляется, противляющийся же себе грех премлют"[13]. Эта норма была заложена даже в гл. 5 "Домостроя" — этого устава бытовой жизни, созданного Сильвестром в 1546—1553 гг.[14].

Отсюда на Руси любое выступление против власти считалось выступлением против Бога. Поэтому любой, который не желает слепо

следовать произволу правителей,— грешник. В этом, кстати, кроется одна из причин того, что принципы отстаивания собственной воли, достоинства, личной чести перед лицом власти и государя в русском обществе не получили значительного распространения. Они чаще всего были связаны с элементами либо полууголовными (типа "бунташных людишек"), либо морально нечистоплотными (Курбский, Котошихин), либо принимали форму религиозной оппозиции власти (ереси, старообрядцы, легенда о Петре I — антихристе).

Особую остроту проблеме конституирования именно "**православного царства**" придавала международная обстановка. После Флорентийской унии 1439 г. и падения Византии в 1453 г. Россия осталась единственной в мире сильной независимой православной страной: "А иного (кроме Русского — А.Ф.) царства волнаго и закона христианскаго греческаго нету, и надею (надежду — А.Ф.) на Бога держат во умножение веры християнской на то царство руское, благовернаго царя рускаго" (И.С.Пересветов)[15]. Это осознание себя последними носителями Божьей воли и единственно правильной веры порождало особое чувство ответственности перед Богом и миром за судьбы православия. В источниках русский народ начинает называться "Новым Израилем", т.е. новым богоизбранным народом. Согласно исторической концепции Ветхого Завета, возвышение Израиля наступило с появлением у него царей. Таким образом, перед Россией вставала настоятельная нужда в Царе-защитнике веры, Царе-завоевателе бусурманских ханств (царств), Царе-устроителе жизни народа по правде и справедливости, Царе, аналогичном царям древнего Израиля.

Недаром в "Степенной книге" (ок. 1563 г.) проводятся прямые параллели со святым писанием: 1-ая усобица князей в Киевской Руси приравнивается к Каинову братоубийству, семя Владимира называется семенем "Нового Израиля", а сам он сравнивается с Давидом, Ярослав Мудрый — с Соломоном. Князья Даниил Александрович и Всеволод Юрьевич уподобляются пророку Давиду, а Иван III — Иисусу Навину[16].

Интенсивное идеологическое оформление царства шло в первой половине XVI в. в иосифлянской среде. Важнейшую роль в нем сыграли "Послание" Спиридона — Саввы (1511—1523 гг.) и "Сказание о великих князьях Владимирских" (1-ая редакция — до 1527 г.). В них приводились две политические легенды, обосновывающие права русских правителей на царский титул. В первой говорилось о прямом родстве Рюриковичей с императорами Древнего Рима через некоего Пруса (родственника Цезаря Августа), которого римский император поставил править областью, позже по его имени названной Пруссией. От Пруса произошел Рюрик, призванный Гостомыслом в Новгород на княжение[16].

Второй легендой был рассказ о присылке Владимиру Мономаху из Византии царских регалий и венчании его на царство митрополитом Неофитом[18]. В середине XVI в. обе легенды были включены в качестве официальной версии русской истории в важнейшие официальные документы — "Чин венчания на царство", "Государев Родословец", "Степенную книгу". Они приводились иностранными послами в качестве доказательств прав Ивана IV на царский титул[19].

Идеологическими концепциями первой половины XVI в. подчеркивалась необходимость скорейшего установления царства на Руси. В "Слове, пространно излагающем, с жалостью, нестроения и бесчиния царей и властителей последнего, сего века" Максима Грека (ок. 1530-х гг.) царство изображено в виде поруганой, скорбной, плачущей женщины, имя которой — Василия (от греч. "βασιλεο", т.е. царство). Она окружена дикими зверями — львами, медведями, волками и лисицами. Невзгоды ее нельзя передать, недуги ее немыслимы. Правители опозорили ее, ввергли в бедствия и болезни, но получили возмездие от всевышнего за свое безумие[20]. С будущим царем — Иваном IV — в обществе, несомненно, связывались большие надежды. В нем видели избавителя от всех этих бедствий. Способом преодоления "неустроения" на Руси считали прежде всего учреждение истинного православного царства.

Иван IV венчался на царство 16 января 1547 г. Чин его венчания несет в себе очень объемную информацию о трактовке царства в русском средневековом обществе. В нем заложена идея, что царство — это гармоничный мир, управляемый Богом и царем. Именно "мир всем" провозглашал митрополит после наложения барм[21]. В поздравлении и провозглашении многолетья царю, идущих от разных слоев населения, выражалось единение перед престолом всех сословий.

Обязанности царя и связанные с ним надежды очерчивались в обращенной к государю речи митрополита: "...и вдаст тебе Господь в деснице твоей скипетр царствия, и посадит тя на престоле правды (Sic! — А.Ф.), и оградит тя всеоружеством святаго Духа, и утвердит мышцу твою и покорит тебе вся языки варварскыя браням хотящая, и всеет Господь в сердце твоем страх свой и еже к послушным милостивное, и соблюдет тя Господь в непорочней вере... да судиши люди твоя правдою и нищих судом, да восидает во днех твоих правда, множество мира, да в тихости твоей тихо и безмолвно житие поживем во всяком благочестии и чистоте, да зде добре и богоугодне пожив наследник будеши небесного царствия со всеми святыми православными цари". Царь был обязан быть милостивым, заботиться о вере и о церкви, беречь подданных, награждать их за службу, и защищать христиан ("соблюдати стадо его (Христа — *А.Ф.*) от волков невредимо")[22].

Данные правила "царского" поведения не были официозной декларацией. Именно так воспринимали права и обязанности царя представители самых различных слоев русского общества. Перечисление многих из них мы можем обнаружить в памятниках официальной церковно-идеологической мысли ("Степенной книге")[23], произведениях, вышедших из-под пера представителя княжеско-боярской аристократии (напр., А.М.Курбского в "Истории о великом князе Московском")[24], в трудах простого "служилого" воинника (И.С.Пересветова)[25]. Сходные моменты можно встретить и в фольклоре (об отражении облика царя Ивана в народных сказаниях речь пойдет чуть ниже).

В случае выполнения царем своих обязанностей он будет после смерти "с Христом царствовать" (из речи к государю митрополита Макария)[26]. А с ним и его подданные получат возможность попасть в Царствие небесное. Царь, таким образом, выступает в качестве проводника России и российского народа в Царство Божие.

Этот путь государя предопределен заранее, на нем лежит печать Богоданной судьбы, своеобразного рока. В качестве символа этой предопределенности во время ритуала венчания царь должен был пройти уготованным "царским путем", который хранят его "чиновники". Они же берегут царские регали, чтобы их не осквернил прикосновением "никто от простых человек"[27]. Интересно, что после обряда венчания на царство государь должен был 8 дней не умываться и не снимать платья. Для личных нужд ему выдавался специальный "платок для утирания".

Путь царя завершался на царском месте. После ритуала народу дозволялось его обдирать, чтобы каждый взял "на честь" царского постановления[28].

Существование царства непременно увязывалось с "царствующим градом" (ср. русское название Константинополя: Царьград). При Грозном им была объявлена Москва, хотя существовали проекты: перенести царствующий град в Нижний Новгород (И.С.Пересветов), а Москву оставить просто центром великого княжения[29].

При церемониале особо подчеркивалась связь поставления на царство с православием и церковью. В летописях говорится, что Иван IV венчан на царство Макарием, митрополитом всея Руси. По сравнению с чином поставления Дмитрия-внука (1498 г.), в 1547 г. в процедуре резко возросла роль митрополита, царского духовника (нес на процедуре крест для царской присяги и "царский сан" на золотом блюде)[30]. После начального проявления своей царской сущности — покорения Казанского ханства — в свежесожженной Казани Грозный в первую очередь велит строить православные храмы как символ торжества православного царства, причем сам носит для них бревна[31].

В концепции царства в середине XVI в. были разработаны еще три аспекта: эстетический, дидактический и футурологическо-религиозный.

В эстетической мысли (образность которой была в значительной мере основана на Святом писании) царство сравнивалось с райским садом, а его правители — с деревьями, корнями, ветками. В "Степенной книге" говорится, что русские правители — это "райские древеса", от Бога насажены, и сам сад "благоухания исполнен, велик же и высоковерх". Удельных князей книга именует "корене доброплодная и многорасленная и неуведаемая ветвь царского изращения плодоносное семя русских самодержателей"[32]. Примечательно, что эту символику использует и Иван Грозный (в 1-ом послании Курбскому). Он сравнивает царство с деревом и, возмущаясь усобицами князей (т.е. корней, ветвей), пишет: "Каго убо может древо цвести аще корени суху сущу!"[33].

Данный аспект интересно, опять-таки, сравнить с христианской средневековой теологией. В ней хорошо орошенный сад и сад безводный, высохший служили символами Божественного благословения и Божественного проклятия. Устройством садов распоряжались прежде всего цари (sic! — *А.Ф.*)[34]. Прообразом сада являлся Рай, Райский (Эдемский) сад[35]. Примечательно, что сад являлся образцом счастливого будущего для Нового Израиля[36] (ср. в источниках того времени наименование русского христианского народа "Новым Израилем"). Он также выступал символом подчинения, упорядочивания природы (как бессознательной стихии), что опять-таки согласуется с выявленными нами функциями царства: установить порядок, ввести "правду" и совершенное устройство в неорганизованной и из-за этого потрясаемой бедствиями стране.

Важную роль играет и образность, связанная с деревьями. Цветущие, покрытые листвой, плодоносящие деревья символизируют Богоугодных людей. Им противопоставляются высохшие деревья как образ Богонеугодного и преступного человека[37] (ср. сравнение Иваном Грозным князей-крамольников с высохшими деревьями). Кроме того, христианский символизм видел в дереве "ось, связывающую различные миры", прежде всего землю (мирскую жизнь) и небо (жизнь небесную)[38]. В данном смысле дерево перекликается с другими подобными символами (лестница, гора). Эта символика напрямую связана с главной функцией православного царя — возвести Россию в Царствие Небесное.

Взгляды русских средневековых мыслителей на православное царство, его значение и этапы его становления на Руси несли в себе сильный элемент дидактизма. Особенно четко это видно в "Степенной книге". В "Житии Ольги" (предваряющем книгу), автором которого, по-видимому был один из главных идеологов и моралистов середины XVI в. поп Сильвестр[39], приводится любопытная

антитеза. Русь описывается сперва как дикая страна, в которой обитало "множество поганых людей, кумиробесия тьмой помраченных, иже бяху яко дивии зверие". Христианство в нее принесла Ольга, причем автор "Жития" подчеркивает, что "якоже древле от жены преступление бысть, последи же от жены и спасение бысть". Женщина, по Святому писанию, погубившая человечество первородным грехом, спасла Русь, вдохнув в нее дух благочестия (Господь "первие благоволи вдохнути благодать свою в душу немощнейшего сосуда женского состава")[40]. Помимо чисто литературного приема, здесь ясно видна выдвигаемая Сильвестром претензия на "особый путь", исключительность способа обращения Руси в христианство, сопровождаемое утверждением самодержавия (приводятся многочисленные примеры "самодержавного" поведения Ольги).

Большое распространение получила идея пути (ср. с "царским путем" в "Чине венчания"). Началом его служит отречение либо от родных, либо от каких-то важных дел во имя достижения конечной цели этого пути. Этой целью обычно является свершение духовного или державного подвига (например, путешествие Ольги в Царьград)[41]. Вообще для "царственных" героев дидактической литературы характерна "рывкообразность" действий: в какой-то момент (обычно под влиянием Божественного видения или наставления советников) он как бы пробуждается от статического состояния и совершает ряд подвигов. Данный прием прослеживается практически во всех памятниках общественно-политической мысли, посвященной "царской теме" ("Сказание о князьях Владимирских", хронографах, летописях, сочинениях И.С.Пересветова, "Степенной книге" и др.).

При описании подвигов правителей часто встречается мотив случайности (как внезапного проявления Божьей воли). Например, Владимир, идя за земной властью (на Корсунь), обрел небесную (крестился), как Саул, ища ослят, обрел царство[42].

Важнейшим компонентом восприятия царства на Руси был футурологический аспект, получивший чисто религиозную трактовку. Осознание того, что Россия осталась последней праведной страной в мире (об истоках этого говорилось выше) получило выражение в понимании построения Российского царства как Царства Божьего на земле, или же — как будущего Царствия Небесного. Предполагалось вознесение всей России, всех русских православных христиан в Новый Иерусалим, Небесный град праведников, описываемый в Апокалипсисе. Проводником Руси в Царство Божие, как уже говорилось выше, должен был выступить царь.

Такая идеология отразилась во многочисленных памятниках общественно-политической мысли. И.С.Пересветов, к примеру, призывает людей переносить все тяготы службы, сравнивая ее... со службой ангелов на небесах[43].

Наиболее полно данная концепция выражена в "Степенной книге". В ней заложена идея: "степени" русской истории (их всего 17) — это "лествица" Руси в Царство Божие. Подвиги русских правителей, "яко златыми степеньми, на него восходную лествицу воздразуша, поне иже невозбранен к Богу восход утвердиша себе и сущим по них"[44]. Историческая концепция "Степенной книги" — это попытка провести прямые параллели между русской и церковной историей, стремление доказать их тождественность.

Первая усобица князей Киевской Руси расценивается равнозначной "Каинову братоубийству"[45]. Князь Владимир считается первым царем, так как во крещении он принял имя Василий (Василий=Василевс=царь)[46]. По итогам своих благодеяний он переселился в Небесный Иерусалим. Значение его деятельности автор "Степенной книги" оценивает следующим образом: "якоже семя Авраамле и Исааково и Исраилево, никто не может изчести, тако и семя блаженного Владимира Нового Исраила" (т.е. Руси — *А.Ф.*)[47].

После сравнения Владимира с Давидом, а Ярослава Мудрого с Соломоном "Степенная книга" начинает выстраивать версию переноса царства в Москву. Истоки Московского царства сперва отождествляются с правлением Владимира Мономаха (первого "царя", венчаного из Византии). Однако после него "Русское царство" распалось на "многие начала". Самодержавство сперва было в Киеве. С 1147 г. Киев захирел, и началось возвышение Москвы (при Юрии Долгоруком, основателе Московского царства, обновившем "первоначальственное скифетродержание"). Однако Долгорукий не терял своих связей с Киевом, поэтому с его кончиной и возвышением Андрея Боголюбского центр самодержавия переместился во Владимир. Особую роль тут сыграло перенесение из Царьграда иконы Владимирской Божьей матери, написанной Лукой-Евангелистом[48].

Затем "за многая неисправления и великая согрешения, и разность и несогласие и неисправление к Богу, наведа на ны Бог от востока безчеловечного Батыя, от него же пленена бысть тогда Русская земля"[49]. Новый рост Москвы начался только с Ивана Калиты, на что повлияло устроение в москве соборной церкви по совету митрополита Петра[50].

Возвышение и утверждение "Нового Израиля" начал Иван III, разбив татар на Угре и этим заслужив сравнение с Иисусом Навином, библейским царем — завоевателем (из послания Вассиана на Угру)[51]. Василия III "Степенная книга" тоже иногда называет царем, но апофеоз прославления царства наступает при описании правления Ивана IV. Бог выступает как прямой помощник и чуть ли не соправитель Грозного: "Иже тако глаголет господь: аз воздвигох тя Царя правдою, и приях за руку десную, и укрепих тя, да послушают тебе языцы, и крепость царем разрушу, отворю ти двери, и грады не за-

творятся, аз пред тобою пойду, и горы поровняю, и двери медные сокрушу, и затворы железные сломлю"[52].

Однако воплощение в жизнь идеологемы "Россия — потенциальное Царство Божее" требовало исполнения трех ее важнейших составляющих: "царской" внешней политики, внутренней перестройки России в царство (прежде всего в духовном отношении и политически — институциональном плане) и отлаживания системы отношений "власть-подданные" (особенно в сфере столкновения с интересами аристократии). Иван IV был первым Боговенчаным русским царем, и именно на него легло первое историческое испытание идеи царства на Руси. Правительство Ивана IV предпринимало попытки воплощения этой идеологии, но необходимо признать, что по всем трем параметрам "царство" Грозного не состоялось.

В области внешней политики Грозный первоначально опирался на доктрину, разработанную на основе идей Вассиана Рыло и иосифлянской концепции "воинствующей церкви" в кружке митрополита Макария и провозглашавшую идею, что воины, погибшие в наступательной борьбе Российского царства с "погаными" державами, автоматически обретают Рай[53]. В речах, обращенных к отправляющимся под Казань воинам, Макарий говорил: "А иже случится кому ныне от православных крестьян на том ващем царском (sic! — *А.Ф.*) ополчении не токмо кровь свою пролияти, но и до смерти пострадати... добре очистят душу свою от греха и восприимят от Господа Бога в тленных место вхождение вышняго града иерусалима наследие"[54]. Та же идея воспроизводится в "Казанской истории" — памятнике, посвященном взятию ханства в 1552 г. (эти слова сложены там в уста Ивану Грозному)[55]. Однако, завоевав "поганские" Казанское и Астраханское ханства, Иван IV "увяз" в Ливонской войне с европейскими державами. Причем главный противник — Польско-Литовское государство — не желало признавать Грозного обладателем царского титула и обвиняло его в ведении войны с христианскими странами, вместо того, чтобы объединиться с ними против "бусурман". Проигрыш этой "нецарской" войны, несомненно, оказал серьезное влияние на трактовку идеологемы "царства" на Руси. В частности, была забыта доктрина Макария. В общественной мысли стали стираться трактовки царя как защитника христиан, сокрушителя "бусурманских" царств: в основном они базировались на успехах 1550-х гг., а вплоть до 1580—90-х гг. подтвердить "царственный" характер внешней политики было особо нечем.

Необходимость внутреннего переустройства России для ее перехода в православное Богоугодное царство остро осознавалась в обществе и отразилась в многочисленных проектах реформ, содержащихся в публицистике середины XVI в. Наиболее показательны здесь рекомендации И.С.Пересветова. Он подчеркивает, что для

окончательного перехода в новое качество к православной вере нужна "правда", совершенное, справедливое государственное устройство. По его мнению, "Бог не веру любит — правду". Примером устройства общества и государства "по правде" для него служат реформы Магмет-Салтана после взятия им Константинополя ("...а естьли бы к той правде турской да вера християнская, ино бы с ними аггели же беседовали"). При этом в психологии Пересветова как автора мы видим крайне любопытный сплав: восточный "бусурманский" царь для него является образцом государственного деятеля, причем он действует... по воле христианского Бога и даже судей в своем (мусульманском!) государстве велит приводить... к крестному целованию![56] Идея "царства" — "правды", была усвоена Грозным. Она повторяется в его первом послании Курбскому[57].

Задачам построения державы "по правде", перестройки ее в царство во многом были подчинены реформы 1550-х гг., особенно их первый этап (1547—1552 гг.)[58]. Предпринимались попытки серьезных изменений в социально-политической сфере (введение института царства — 1547, принятие нового Судебника — 1550, попытка ограничения местничества (1549—50 гг.), "тысячная реформа" 1550 г., внесение важных изменений в земельное законодательство, особенно в вопросы церковного иммунитета и т.д.). Но главной составляющей преобразований на этом этапе были духовно-религиозные, к которым иногда даже применяется термин "вторая христианизация Руси митрополитом Макарием" (кстати, в "Степенной книге" Макарий назван прямым продолжателем дела Владимира Святого[59]). Происходило интенсивное внедрение христианских норм в церковное обустройство (Стоглав, 1551) и домашнюю жизнь россиян ("Домострой" Сильвестра, 1546—1553 гг.).

Казалось, сбывалось пророчество И.Пересветова: "Ты (Иван IV — *А.Ф.*) — государь грозный и мудрый, и грешных на покаяние приводиш и правду в царство свое введешь, Богу сердечную радость воздаш"[60]. Однако к концу 1550-х реформы стали затухать, постепенно сошли на нет. Многие из них были паллиативными, половинчатыми, незавершенными, позже дезавуированными. Неудача реформ 1550-х гг. во многом подтолкнула Грозного к опричнине.

Важнейшим источником опричнины были накопившиеся за 1550-е гг. противоречия по вопросу о прерогативах царя и его советников. Частично эта проблема проистекала из мнительности и амбициозности самого Грозного, видевшего в любом неугодном государю совете измену и чуть ли не претензию на узурпацию царской власти. Но часть противоречий носила объективный характер. Их можно разделить на институциональные и идеологические.

В ходе реформ 1550-х гг. резко возросла роль ведомств государственного аппарата — Боярской думы, ее комиссий, Казны, Дворцовых ведомств, дьячих изб и т.д. Их руководители сосредоточивали

в своих руках практически все государственное делопроизводство, что давало им известную самостоятельность при принятии решений. Пока эти решения совпадали с желаниями царя, ситуация не обострялась. Но в условиях начавшейся Ливонской войны работа целого ряда государственных служб дала сбой (прежде всего военной и дипломатической). Грозным данное обстоятельство было расценено как сознательная измена, начались предопричные "переборы людишек". Одновременно царь стремился умалить роль государственных ведомств, а сосредоточить всю полноту политической жизни в своем непосредственном окружении. Важными звеньями этого процесса были реформа "государева двора" 1560 г., конфискация Грозным дворов Макария и Владимира Старицкого в 1563 г., а конечным — учреждение опричнины как особого "государева обихода"[61].

Вышеописанные процессы сопровождались некоторым пересмотром идеологемы "царства", сопряженным с напряженной полемикой между представителями различных слоев русского общества. Речь идет прежде всего о знаменитой дискуссии Ивана Грозного и Андрея Курбского, царя и первого русского диссидента.

В 1560-е — 70-е гг. Грозный, действуя, видимо, в русле своей опричной политики, интенсивно разрабатывает ту сторону "модели царства", где говорится о безграничных полномочиях царя, активно муссирует цитату из апостола Павла ("Кто противится власти, Божьему повелению противится"), и зачастую игнорирует идею ответственности царя перед Богом и подданными. Концепция царства под пером государя, таким образом, развивается в сторону его трактовки как неограниченной самовольной тирании.

В Первом послании Курбскому все царства, где правитель слушался "синклитов и советов", Грозный объявляет в конечном итоге рухнувшими. Иван IV говорит о своем праве нарушать Божьи заповеди (sic! — *А.Ф.*), если они мешают ему проявлять "самовластье" и выполнять свои царские функции[62]. Иван Васильевич рьяно стыдил европейских правителей, имеющих в своих странах парламенты, сеймы, считавшихся с нуждами общества. Приведем лишь наиболее колоритную цитату из письма Грозного английской королеве Елизавете (1570 г.): "И мы чаяли того, что ты на своем государстве государыня и сама владеешь и своей государьской чести смотриш и своему государству прибытка... Ажно у тебя мимо тебя люди владеют, и не токмо люди, но мужики торговые, и о наших о государских головах и о честех и о землях прибытка не смотрят, а ищут своих торговых прибытков. А ты пребываешь в своем девическом чину, как есть пошлая девица"[63].

В посланиях бояр в польско-литовское государство 1567 г., либо инспирированных, либо написанных Грозным, помимо апологетики безграничности самодержавной власти, настойчиво проводится мысль, что "вольной службы" и "свободы" вообще не бывает.

Польский король Сигизмунд полемизировал с московским царем, указывая, что Бог сотворил первого человека (Адама) свободным. Грозный резко поправлял его: не свободным, а "самовластным", а после нарушения Божьей заповеди Адам был осужден на несвободу и искупление своего греха. При этом Иван смеялся над Сигизмундом, что он зависит от советников даже в вопросе выдачи замуж его сестры Катерины[64].

В конце 1550-х — 1560-х гг. Иван все искреннее верил в тезис Пересветова: "Без таковые грозы не мочно в царство правды ввести... как конь под царем без узды, тако и царство без грозы"[65]. В воплощении этой идеи в жизнь он видел решение всех проблем, стоявших перед страной. "Грозы" с каждым годом прибавлялось, но при этом в обратной пропорции в России почему-то убывала "правда".

Подобная эволюция модели царства в сторону тирании вызвала полемику с идеологическими оппонентами Грозного, главным из которых считается Андрей Курбский. Обычно концепцию Курбского сводят к защите прав боярства вмешиваться в дела государства. Однако взгляды князя-диссидента гораздо тоньше и в значительной мере перекликаются с традиционной трактовкой "царства" на Руси.

Курский видел в возрастании самовластья царя "дерзание" против Божьих заповедей, превышение полномочий, делегируемых царю от Бога. Вознесшийся самовластьем царь, по Курбскому, впадает в ересь, грехопадение и в конечном итоге превратится в Сатану (князь иллюстрирует этот тезис легендой о царе Фосфоре)[66].

Но что же делать, если "царь же аще и почтен царством, а дарований которых от Бога не получил"? Вот тогда, по Курбскому, он и "должен искати добраго и полезнаго совета не токмо у советников, но и у всенародных человек: понеже дар духа дается не по богатству внешнему и по силе царства, но по правости душевной"[67]. То есть, иными словами, если царь сам не несет печати государственной мудрости и царственной праведности, то он должен окружить себя мудрыми советниками-праведниками, желательно-ангелоподобными святыми мужами (образ "Избранной Рады" у Курбского). Они-то и придадут царской власти Божественную легитимность.

Этим советникам-праведникам Курбский противопоставляет советников-"маньяков", забывших Христа и сбивающих царя на путь сатанинский[68]. Именно из-за них произошло греховное перерождение Грозного. О пагубной роли злых советников и их негативном влиянии на правителей Курбский предается горестным размышлениям в предисловии к "Новому Маргариту"[69]. Князь-диссидент не защищает бояр-советников как общественное явление, а обосновывает необходимость существования советников-праведников, несущих царю свет Божьей правды и Господню волю.

Отсюда и вытекает негативная оценка Курбским деяний Ивана Грозного. По удачному выражению А.Н.Гробовского, Курбский в "Истории о великом князе Московском" описал "грехопадение некогда праведного царя"[70]. Из заголовка памфлета видно, что князь за это "грехопадение", измену царскому облику и не считает Грозного подлинным царем. Его произведение оскорбительно озаглавлено "История **о великом князе** Московском". Превращение царя в сатану на троне из-за его "вознесения самовластьем" Андрей Михайлович иллюстрирует большим списком "мучеников" Нового Израиля, "избитых" Иваном, которые попадут на небо, как и раннехристианские святые мученики[71]. Таким образом, во второй половине царствования Грозного, когда его политикой были выхолощены некоторые существенные элементы первоначальной модели православного царства, в общественной мысли появляется критика правления первого русского царя, ведущаяся путем сравнения с этой моделью.

Необходимо обратить внимание на трактовку царствования Грозного в отечественном фольклоре. С эпохой Ивана IV связано появление исторических преданий и песен о первом "народном" царе-государе, справедливом, хотя и жестоком правителе. По наблюдению В.К.Соколовой, возникновение таких преданий, основанных на реальных исторических фактах, есть у всех европейских народов и соответствуют начальному этапу в становлении их государственности[72].

Царь Иван остался в народной памяти как грозный, жестокий, но справедливый, народный царь. Недаром были распространены предания, что он был выбран в цари "из народа", от "лакеев или мужиков"[73]. Непосредственная связь царства с простым народом всячески подчеркивалась и в официальных идеологических памятниках (напр. "Степенной книге")[74]. И.С.Пересветов особо гордится собственным образом простого воинника, советующего царю, как советовали воины Августу и Александру Македонскому[75]. Таким образом, восприятию царства в российском менталитете был свойствен некоторый популизм, признание тесной связи царя с "землей", простым народом.

При такой трактовке антибоярские настроения Грозного находили в народе очевидное сочувствие. Существовали предания, что все претеснения народу творили бояре, а царь о них не знал. Но ходоки открыли ему глаза, после чего Грозный "отъехал" (не отголосок ли здесь "опричного отъезда" в Александрову слободу?), затем вернулся и расправился с изменниками и народными притеснителями[76]. Видимо, в преданиях такого рода отразилась неприязнь к олигархам, характерная для русского менталитета, часто выражающаяся в формуле: "Царь-то хорош, вот бояре плохие". Очевидно, именно с данной парадигмой общественного сознания связана устойчивая вера народа в то, что многие цари (особенно ласковые к народу) были "изведены" вельможами. Это было одним из оснований самозван-

чества на Руси (применительно к более позднему периоду много интересных наблюдений относительно данных аспектов содержится в работе Н.Я.Эйдельмана)[77].

При этом мнение, насколько Грозный оправдал "царское звание", в народе имело и негативную окраску. В сказании "Почему завелась на Руси измена" Бог обвиняет Ивана в "измене правды" и "введении измены в Русь православную"[78]. Таким образом, наряду с панегирическими нотами, в народном сознании присутствовало и осуждение Грозного за его жестокости, порожденные тем же "вознесением *самовластьем" и забвением* своей главной обязанности: служить Божьей правде.

Подводя итоги нашему обзору, необходимо отметить следующее. В XV — в первой половине XVI в. в русской общественно-политической мысли складывается определенная модель православного царства. Ее параметры носят национальный характер, имеют отличия от европейского "королевства". Они не исчерпываются правовым понятием "монархия". Судьбой России, ее миссией считалось воплощение этой модели в истории.

Надежды на ее осуществление связывались с правлением первого русского царя, Ивана IV Грозного. Однако внесение самим царем изменений в трактовку царства в сторону усиления его "самовластного" компонента, провал воплощения модели по многим ее важным принципам выхолостили первоначальную идею царства. Правление Грозного явно ей не соответствовало. Последующие события (правление временщика Б.Годунова при номинальном слабоумном царе Федоре, Смута) не позволили сделать новых попыток исторического воплощения модели православного царства. Православно-монархическая идея на Руси в эти годы переживала стагнацию и развивалась в основном в церемониально-ритуальной сфере (принятие Федором титула "царя и самодержца", введение Годуновым в царский обиход "державы" в дополнение к скипетру и т.д.). Русское сознание вновь обратилось к ней только в начале XVII в., в поисках путей преодоления Смуты. Но это уже — тема отдельного исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Кобрин В.Б., Юрганов А.Л. Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси (к постановке проблемы) // История СССР. 1991. № 4. С. 55; См. также: Юрганов А.Л. У истоков деспотизма // История Отечеств; люди, идеи, решения. Очерки истории России IV — начала XX в. М., 1991. С. 38–42; он же. Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 117–215.

[2] ПСРЛ. М.; Л., 1962. Т. 27. С. 162.

[3] Казанская история. М.; Л., 1954. С. 43.

[4] Сказания Князя Курбского / изд. Н.Устрялова. СПб., 1868. С. 12.

[5] Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в Хронографы русской редакции. М., 1869. С. 284.

[6] Исторические песни XIII—XVI веков. М.; Л., 1960. С. 91.

[7] Хорошкевич А.Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980. С. 88, 102.

[8] РГАДА. Ф. 166, оп. I, д. 2, Л., 2—3 об.

[9] 1-я книга Паралипоменон 29: 11—12; 2-я книга Паралипоменон 20:6. От Матфея 6:13; Апокалипсис 4:11.

[10] Бытие 3:16; Послание Павла к Ефесянам 5:23; 6:1—3.

[11] Книга Премудростей Соломона 6:3; Книга пророка Даниила 2:21; 4:14; Книга пророка Иеремии 27:5—8, Послание ап. Павла к Римлянам 13:1.

[12] Исход 18:19—24; Второзаконие 1:12—17; 17:18—20, 1-е послание Петра 2:14; 1-я книга Царств 8:11—12 и др.; От Матфея 27:11; От Марка 15:2; От Луки 23:3; От Иоанна 18:33—37.

[13] Послание ап. Павла к Римлянам 13:1—3.

[14] Домострой / сост. В.В.Колесов. М., 1990. С. 33. Сильвестру приписывают составление или серьезное редактирование Коншинской редакции Домостроя. В прилагаемом к памятнику послании "От отца к сыну" (Анфиму) Сильвестр называет себя благовещенским священником, а известно, что он им стал не позже 1546 г. (ОР РГБ. Ф. 299 (Тихонравова), № 629 — вкладная запись). Также в обращении к Анфиму протопоп с гордостью подчеркивает, что ни разу не был под судом — а в 1553 г. он попал под следствие по обвинению в церковной ереси. Следовательно, он работал над "Домостроем" между 1546 и 1553 гг.

[15] Сочинения И.Пересветова. М.; Л., 1956. С. 161.

[16] Книга Степенная царского родословия, содержащая историю Российскую с начала оныя до времен государя царя и великого князя Иоанна Васильевича. М., 1775. Ч. I. С. 178, 220, 337; Ч. 2. С. 147.

[17] Дмитриева Р.П. Сказание о князьях Владимирских. М.; Л., 1955. С. 162.

[18] Там же. С. 164.

[19] ПСРЛ. М., 1965. Т. 13. С. 157; Сборник РИО. СПб., 1887. Т. 59. С. 265—302.

[20] Синицына Н.В. Учреждение патриаршества и "Третий Рим" // IV Centenario Dell' istituzione del Patriarcata ir Russia. Roma, 1991. P. 61.

[21] Барсов Е.В. Древнерусские памятники священного венчания на царство в связи с греческими их оригиналами, с историческим очерком чинов царского венчания в связи с развитием идеи царя на Руси // ЧОИДР. 1883. Кн. I. М., 1883. Отд. I. С. 77.

[22] Там же. С. 75, 81, 82.

[23] Книга Степенная... Ч. I. С. 36; Ч. 2. С. 141.

[24] Сказания Князя Курбского... С. 53.

[25] Сочинения И.Пересветова... С. 123.

[26] Барсов Е.В. Указ. соч. С. 84.

[27] Там же. С. 86, 89, 71.

[28] Там же. С. 90.

[29] Сочинения И.Пересветова... С. 162.

[30] Барсов Е.В. Указ. соч. С. 44, 68, 70, 81; ОР РГБ. Ф. 173, № 196. Лл. 5об—7об; РГАДА. Ф. 156, оп. I, д. 94. Л. 3об, 7об.

[31] Казанская история. С. 161.
[32] Книга Степенная... Ч. I. С. А2, 319.
[33] Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951. С. 36.
[34] 4-я книга Царств 25:4.
[35] Бытие 2:8 и след.
[36] Песнь Песней 4:12, Книга пророка Иеремии 31:12, Книга пророка Иезекиля 36:35; Книга пророка Исайи 51:3, 61:11, Книга пророка Осии 14:6–8.
[37] Книга пророка Иеремии 17:7–8; От Матфея 7:17–19.
[38] Кэрлот Э.Э. Словарь символов. М., 1994. С. 171–172.
[39] Курукин И.В. Сильвестр и составление жития Ольги Степенной книги // Теория и практика источниковедения и археографии отечественной истории. М., 1978. С. 51–60.
[40] Книга Степенная... Ч. I. С. 26, 41, 6.
[41] Там же. С. 35.
[42] Там же. С. 38.
[43] Сочинения И.Пересветова. С. 156.
[44] Книга Степенная... Ч. I. С. А2.
[45] Там же. Ч. I. С. 88.
[46] Там же. Ч. I. С. 78.
[47] Там же. Ч. I. С. 178.
[48] Там же. Ч. I. С. 243–284, 295.
[49] Там же. Ч. I. С. 320.
[50] Там же. Ч. I. с. 404.
[51] Там же. Ч. 2. С. 147.
[52] Там же. Ч. 2. С. 238.
[53] Подробнее см.: **Филюшкин А.И.** Роль "Казанского взятия" в становлении русской государственности // Нестор. Историко-культурные исследования. Альманах. Вып. I. Воронеж, 1993. С. 52–55; он же. Переход России к наступательной борьбе с татарами (доктрина Макария и ее практическое воплощение) // Материалы международной научной конференции, посвященной 600-летию спасения Руси от Тамерлана и 125-летию со дня рождения И.А.Бунина. Елец, 1995. С. 13–15.
[54] ПСРЛ. М., 1965. Т. 29. С. 89–90.
[55] Казанская история. С. 148.
[56] Сочинения И.Пересветова. С. 181, 161, 153.
[57] Послания Ивана Грозного. С. 9.
[58] Филюшкин А.И. История одной мистификации: Иван Грозный и "Избранная Рада". М., 1998. С. 35–76.
[59] Книга Степенная... Ч. I. С. 76.
[60] Сочинения И.Пересветова. С. 237.
[61] Филюшкин А.И. История одной мистификации... С. 143–212.
[62] Послания Ивана Грозного. С. 27.
[63] Там же. С. 142.
[64] Там же. С. 261.
[65] Сочинения И.Пересветова. С. 153.
[66] Сказания князя Курбского. С. 4, 38.
[67] Там же. С. 39.
[68] Там же. С. 70, 75.

[69] Там же. С. 269–271.

[70] Гробовский А.Н. Иван Грозный и Сильвестр (история одного мифа). Лондон, 1987. С. 118.

[71] Сказания князя Курбского. С. 124.

[72] Соколова В.К. Русские исторические предания. М., 1970. С. 50.

[73] Там же. С. 60.

[74] Акцент на происхождение Ольги от "простых псковичей", решение о крещении Руси Владимир принимает на всенародном соборе и т.д. — Книга Степенная... Ч. I. С. 6, 117.

[75] Сочинения И.Пересветова. С. 158.

[76] Соколова В.К. Указ. соч. С. 56–57.

[77] Эйдельман Н.Я. Грань веков // В борьбе за власть. Страницы политической истории России XVIII века. М., 1988. С. 304–305.

[78] Сенигов И. Народное воззрение на деятельность Иоанна Грозного. СПб., 1892. С. 7.